

УДК 930.2(470)

doi: 10.18101/2305-753X-2017-3-84-89

**ЖИЗНЬ И СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА В ТОТАЛИТАРНОМ ОБЩЕСТВЕ:
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

© Ахмадулина Светлана Зиннатовна

кандидат исторических наук, доцент

кафедра всеобщей и отечественной истории

Бурятский государственный университет

E-mail: lana_clio@mail.ru

В статье рассматриваются литературные произведения советского периода как исторический источник. Обозначенный период стал временем серьезных сдвигов, происходивших в общественной жизни страны, связанных с процессом системных изменений в различных сферах жизни общества. Автор обращается к литературным произведениям советской эпохи — роман Е. И. Замятина «Мы», «Воспоминания» и «Колымские рассказы» В. Шаламова, «Авель» В. Гроссмана. Данные художественные произведения, рассматриваемые как исторический источник, имеют свою определенную специфику. Уникальность художественной литературы заключается в ее способности отразить трудноуловимые, но от этого не менее значимые факторы исторического процесса. Анализируя конкретный исторический период и изучая художественную литературу данного этапа, можно увидеть и оценить гораздо больше интересных деталей и фактов.

Ключевые слова: литературные произведения, исторический источник, политические репрессии, тоталитарный режим, культ личности, Е. Замятин, В. Шаламов, В. Гроссман.

*Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек...
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек...*

В радиоприемниках советских граждан звучала известная «Песня о Родине» И. Дунаевского и В. Лебедева–Кумача, написанная в 1933 году. А на самом деле человеку дышалось так легко и свободно? На этот вопрос нам помогут ответить судьбы людей, поставленных на грань между жизнью и смертью и сумевших не потерять себя.

Культ личности Сталина в 30–50-е гг. XX века вылился в тоталитарную диктатуру с безраздельным подчинением общества государству, превращением партийно-государственного аппарата в орудие неограниченного единовластия, массовым беззаконием и насилием, подавлением личности, уничтожением оппозиции внутри партии и в стране. Государство решало в одночасье — жить человеку или не жить, а если жить, то где и как. Подобную позицию мы встречаем уже в художественных произведениях советских авторов. В данной статье мы рассмотрим литературные произведения второй половины XX в. как исторический источник, демонстрирующий особенности общественно-политического развития страны.

Историческим источником принято называть все то, что может дать какую-либо информацию о прошлом. Под историческими источниками понимаются «все остатки прошлого, в которых отложились исторические свидетельства, отражающие реальные явления общественной жизни и закономерности развития человеческого общества. По сути дела, это самые разнообразные продукты и следы деятельности людей: предметы материальной культуры, памятники письменности, идеологии, нравов, обычаев, языка и т. д.» [4, с. 64–65]. Любой источник субъективен, т. к. отражает прошлое в форме личных, субъективных образов. Вместе с тем он выступает формой отражения объективного мира, исторических эпох, различных стран и народов в их реальном историческом бытии. Исторические источники — основа познания исторической действительности, которая дает возможность реконструировать события и явления социальной жизни прошлого [6].

Художественные произведения, рассматриваемые как исторический источник, в данном контексте имеют свою определенную специфику. Уникальность художественной литературы заключается в ее способности отразить трудноуловимые, но от этого не менее значимые факторы исторического процесса. Анализируя конкретный исторический период и изучая художественную литературу этого времени, можно увидеть и оценить гораздо больше интересных деталей и фактов. Проявление деспотической власти было предопределено установлением диктатуры пролетариата, наличием единственной партии, ликвидацией прав и свобод личности.

Конец 19–начало 20-го столетия – время серьезных изменений, которые охватили всю европейскую культуру, являясь следствием разочарования в прежних идеалах и ощущением приближения крушения существующей общественно-политической системы. С другой стороны, этот кризис породил великую эпоху — эпоху русского культурного ренессанса начала 20-го столетия — одну «из самых тонких эпох в истории русской культуры». Это был период творческого подъема поэзии и философии. Апокалипсические настроения, теософия захватывали умы людей. Широкое распространение получили мистические настроения как положительные, так и отрицательные. В русском обществе все чаще звучали предчувствия бед и катастроф, надвигающихся на Россию и весь мир.

В рассматриваемый период времени большевистская партия полностью установила контроль над советской литературой и искусством, которые становятся инструментом коммунистической идеологии и пропаганды. Их основное предназначение — внедрение в сознание людей марксистско-ленинских идей, убеждение их в преимуществах социалистического общежития, в непогрешимой мудрости партийных вождей. Проводником подобной политики становится Пролеткульт - союз пролетарских культурно-просветительских обществ, члены которого особенно активно призывали к революционному низложению старых форм в искусстве, бурному натиску новых идей и настроений.

Обратимся к роману Е. И. Замятина «Мы», который был написан в 1921 г. в необычном жанре «книги-утопии», модном в этот период. Автор в художественной форме попытался изучить и разоблачить губительность тоталитарной системы для личности человека. Под названием романа «Мы» автор понимал коллективизм большевиков в России, при котором ценность отдельной личности снижалась до минимума. Замятин перенес в своем романе Россию на тысячу лет

вперед. Ведущей темой этого произведения является драматическая судьба личности в условиях тоталитарного общественного устройства. В категоричности «мы» звучит строгий запрет на «я». В романе описывается много характерных черт тоталитарной структуры. К примеру, об общей идеологии Замятин пишет сразу же в первой главе: «Да здравствует Единое Государство, да здравствуют нумера, да здравствует Благодетель!». Символ тоталитарного государства здесь — единое Государство, на благо которого трудятся все «нумера», Благодетель — неоспоримый и неприкосновенный авторитет в Едином Государстве, символ русского правителя. В Едином Государстве царит всеобщее «математически безошибочное счастье». Его обеспечивает само Единое Государство. Но счастье, которое оно дает людям, — лишь материальное, а главное — в общих, одинаковых и обязательных для всех формах. Каждый получает сытость, покой, занятие по способностям, полное удовлетворение всех физических потребностей — и ради этого должен отказаться от всего, что отличает его от других: от живых чувств, собственных стремлений, естественных привязанностей и собственных побуждений. Словом, от собственной личности. Бессменность и неприкосновенность правителя, свойственные тоталитарному режиму, который предвидит Замятин, находят свое отражение и в романе.

В «Воспоминаниях» и «Колымских рассказах» В. Шаламова — произведениях, которые так же являются ценнейшими историческими источниками, — видны все характеристики советского общества 1920–1950-х гг. «Лагерная тема» — основной мотив произведений Варлама Шаламова, уничтожение человека государством — главный вопрос, который интересовал его всю жизнь. Писатель провел долгие годы в заключении, прошел через унижения, голод, побои, что не могло не отразиться на его творчестве. Он считал своим долгом написать о Колыме, обо всех тех лагерях, где отбывал срок, так, чтобы о них запомнили навсегда.

В своих воспоминаниях Шаламов отразил «несколько своих жизней»: «Мне пятьдесят семь лет. Около двадцати лет я провел в лагерях и в ссылке. «Подземный» опыт не увеличивает общий опыт жизни — «там» все масштабы смещены, и знания, приобретенные «там», для «вольной жизни» не годятся. Мне не трудно вернуться к ощущениям детских лет. Колыму же я никогда не забуду. И все же это жизни разные. «Там» я не всегда писал стихи. Мне приходилось выбирать между жизнью и стихами и делать выбор (всегда!) в пользу жизни!» [7, с. 3–4]. Сын слепого священника, ходившего сражаться за Бога в постреволюционный период, когда в большой моде были антирелигиозные диспуты. «Сам я лишен религиозного чувства. Но отец мой был верующим человеком и эти выступления считал своим долгом, нравственной обязанностью. Я водил его под руку как поводырь. И учился крепости душевной...» [7, с. 4].

Бурлящей атмосферой двадцатых годов воспитана была его резкость оценок и суждений. «В двадцатые годы все носили шинели, кожаные куртки, кители. Моя соседка по аудитории ходила в мужской гимнастерке и на ремне носила браунинг» [7, с. 28]. Москва тогдашних лет просто кипела жизнью. Вели бесконечные споры буквально обо всем: «и о том, будут ли духи при коммунизме, фабрика Брокара стояла с революции, и работники не были уверены, что ее пустят. И о том, существует ли общность жен в фаланге Фурье, и о воспитании детей. Обсуждали не формы брака. Обсуждался сам брак, сама семья — нужна ли

она. Или детей должно воспитывать государство? Нужны ли адвокаты при новом праве? Нужна ли литература, поэзия, живопись, скульптура? И если нужны, то в какой форме, не в форме же старой» [7, с. 129].

В 1929 г. В. Шаламов был осужден «как опасный элемент» и заключен в Бутырскую тюрьму. «Для Сталина не было лучшей радости, высшего наслаждения во всей его преступной жизни, как осудить человека за политическое преступление по уголовной статье» [7, с. 138]. Москва 1930-х гг. была городом страшным. Подполье 20-х гг. столь яркое, забилося в какие-то норы, ибо было сметено с лица земли железной метлой государства. «Бесконечные очереди в магазинах, талоны и карточки, отделы рабочего снабжения при заводах, мрачные улицы. На Ивантеевской фабрике матери протягивали мне грязных детей, покрытых коростой, пиодермией и диатезом. Закрытые распределители для привилегированных и надежных. Партмаксимум — но закрытые распределители. Заградительные отряды вокруг Москвы, которые не пропускали, отбрасывали назад поток голодающих с Украины. 21-й год — это был голод в Поволжье, 33-й — был голодом Украины. Но одиночные голодающие проникали в Москву в своих коричневых домотканых рубахах и брюках — протягивали руки, просили. Ну что могла дать Москва?» [7, с. 139–140].

За одно десятилетие новой, советской истории страны изменился ее облик, проблемы с которыми столкнулось правительство, были порождены идеологическими постулатами И. В. Сталина. «Догнать и перегнать», «Время, вперед» — пожалуй одни из самых бессовестных лозунгов тех лет. Беломорканал, канал Москва–Волга, коллективизация, аресты в деревнях. В январе 1937 г. Варлам Шаламов был арестован, осужден особым совещанием на пять лет исправительно-трудовых лагерей с отбыванием срока на Колыме.

В воспоминаниях о Колыме, в этой скорбной истории из «Мертвого дома» В. Шаламов говорит об опыте, разделенном миллионами людей. Колымский Освенцим навсегда изменил жизнь писателя.

В «Авеле» Василия Гроссмана один из персонажей, оправдывая свое участие в атомной бомбардировке, рассуждает: «Знаешь, техника освобождает нас от моральной ответственности. Раньше ты разбивал голову врагу дубинкой и тебя обдавало его мозгом — вот тогда ты отвечал; потом расстояние стало все увеличиваться — на длину копья, полета стрелы, и ты только слышал его крик, потом он отдалился на выстрел из пищали, мушкета и ты уже не слышал его стонов, только видел, как он падает — пестрый человечек, потом точка, потом не стал виден не только человек, но даже линкор, по которому бьешь... кому нести ответственность? Тот, кто видит врага, — наблюдатель, он не стреляет, а тот, кто стреляет, — огневик, — тот не видит, у него только данные — цифры, за что же ему отвечать?» [3, с. 211]. В период массовых политических репрессий погибли миллионы россиян, для руководства страны это были лишь цифры, необходимые для корректировки вектора ее развития. Это были безымянные номера, за которыми стояли жизни и судьбы людей.

В заключение отметим, что при рассмотрении художественной литературы как исторического источника, необходимо учитывать ее специфические особенности. Помимо исторической эпохи, события произведений литературы отражают личное, субъективное мнение автора, его убеждения. Важным в изучении ху-

дожественной литературы выступает то, что читатель может наблюдать эмоциональную сторону события, которые описывает автор, что зачастую невозможно воспринять через другие письменные источники. Рассмотренные в статье в качестве исторического источника произведения советских авторов Е. И. Замятина, В. Шаламова, Гроссмана дают общее представление о формировании и развитии советской системы управления государством, начиная с 1920-х гг. сквозь призму жизни и судьбы человека.

Литература

1. Гроссман В. С. Повести и рассказы. Москва, 1950. 490 с.
2. Гроссман В. С. Жизнь и судьба. Роман. Москва, 1988. 832 с.
3. Гроссман В. С. Несколько печальных дней: повести и рассказы. Москва, 1989. 432 с.
4. Дербов Л. А. Введение в изучение истории. Москва, 1981. С. 64–65.
5. Замятин Е. Мы: Текст и материалы к творческой истории романа / сост., подгот. текста, публ., коммент. и статьи М. Любимовой и Дж. Куртис. Санкт-Петербург, 2011. 608 с.
6. Ковалева А. Ю. Произведения художественной литературы начала XX века как исторический источник. URL: <http://www.urokiistorii.ru/3141> (дата обращения: 23.03.2017 г.).
7. Шаламов В. Т. Воспоминания. Москва, 2001. 384 с. URL: <https://librusec>
8. Шаламов В. Т. Колымские рассказы. Москва, 2008. 656 с.

References

1. Grossman V. S. Povesti i rasskazy. Moskva, 1950. 490 p.
2. Grossman V. S. Zhizn' i sud'ba. Roman. Moskva, 1988. 832 p.
3. Grossman V. S. Neskol'ko pechal'nykh dnei: povesti i rasskazy. Moskva, 1989. 432 p.
4. Derbov L. A. Vvedenie v izuchenie istorii. Moskva, 1981. pp. 64–65.
5. Zamyatin E. My: Tekst i materialy k tvorcheskoi istorii romana / sost., podgot. teksta, publ., komment. i stat'i M. Lyubimovoi i Dzh. Kurtis. Sankt-Peterburg, 2011. 608 p.
6. Kovaleva A. Yu. Proizvedeniya khudozhestvennoi literatury nachala KhKh veka kak istoricheskiy istochnik. URL: <http://www.urokiistorii.ru/3141> (data obrashcheniya: 23.03.2017 g.).
7. Shalamov V. T. Vospominaniya. Moskva, 2001. 384 p. URL: <https://librusec>
8. Shalamov V. T. Kolymskie rasskazy. Moskva, 2008. 656 p.

LIFE AND FATE OF A PERSON IN TOTALITARIAN SOCIETY:
LITERARY WORKS AS A HISTORICAL SOURCE

Svetlana Z. Akhmadulina
Cand. Sci (History), A/Prof.
Department of General and Homeland History
Buryat State University
E-mail: lana_clio@mail.ru

The article deals with literary works of the Soviet period as a historical source. The designated period was the time of serious shifts in the social life of the country, related to the process of systemic changes in various spheres of society. The author refers to the literary works of the Soviet era — the novel “We” by E. I. Zamyatin, “Memoirs” and “Kolyma Stories” by V. Shalamov, “Avel” by V. Grossman. These works of fiction, regarded as a historical source, have their own specific nature. The uniqueness of fiction lies in its ability to reflect the subtle, but no less important factors of the historical process. While analyzing a specific historical period and studying the literature of this period, you can see and evaluate much more interesting details and facts.

Keywords: literary works, historical source, political repressions, totalitarian regime, cult of personality, E. Zamyatin, V. Shalamov, V. Grossman.